СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

венгерского государственного преступника Райка и его сообщников

Титовцы—агенты английской и американской разведок

ДОПРОС БРАНКОВА

БУДАПЕШТ, 17 сентября. (ТАСС). После допроса подсудимого Палфи суд вызывает для показаний матерого разведчика, главного резидента югославской разведки в Венгрии Лаза Бранкова. Отвечая на вопрос председателя суда, признает ли Бранков себя виновным в пред'явленных ему обвинениях, Бранков заявляет, что он в основном признает их, но не полностью.

Как показывает Бранков, он приехал в Венгрию в 1945 году в качестве сотрудника югославской военной миссии при Союзной Контрольной Комиссии (СКК) в Венгрии. В 1947 году он был назначен руководителем этой миссии, позже — советником югославской дипломатической миссии в Венгрии и, наконец, югославским поверенным в делах. С июля 1947 года по сентябрь 1948 год, как заявляет Бранков, он официально находился на службе в УДБ (Управление Госбезопасности). Непосредственными начальниками его были генерал Милич и министр внутренних дел Ранкович.

Председатель суда: Вы можете перечислить, кто из югославов занимался разведывательной работой в Венгрии?

Подсудимый: Шпионской деятельностью в Венгрии с 1945 года занимались руководитель югославской военной миссии при Союзной Контрольной Комиссии (СКК) в Венгрии полковник Цицмил, майор Яворский, майор Ковач, югославский посланник в Будапеште Мразович, руководитель консульства майор Смилянич, советник Иованович, торговый атташе доктор Гаврилович и его заместители Чачинович, Юлич и др.

Как показывает подсудимый, шпионская деятельность всей этой группы началась в Венгрии сразу по прибытии в страну и проводилась в соответствии с твердым наказом Тито и Ранковича. Перед от'ездом миссии в Венгрию руководитель миссии Цицмил был принят непосредственно Тито, который в присутствии Джиласа и Ранковича лично дал указания. Тито сказал, что в Венгрии в настоящее время положение еще не стабилизировалось, что надо разведать обстановку, установить прочные связи с англо-американскими представителями, находящимися при Союзной Контрольной Комиссии, и решительно противодействовать распространению советского влияния на членов миссии.

Как рассказывает Бранков, обязанности сотрудников миссии в Венгрии были распределены следующим образом: непосредственную связь с англо-американскими представителями в Союзной Контрольной Комиссии взял на себя руководитель миссии Цицмил, который был связан с американцами еще в период войны. В обязанность Яворского, являвшегося в то время главным резидентом УДБ в Венгрии, входила организация шпионажа как в Венгрии, так и среди частей Советской Армии. Он же должен был организовать шпионскую сеть в Венгрии.

Конкретно занимался разведкой против Советской Армии майор Ковач, который считался специалистом по этой части, так как в свое время занимался этими делами, работая в югославском генеральном штабе.

— Мне,—заявляет Бранков,— было поручено заниматься экономическими вопросами.

Отвечая на вопрос председателя суда, какими способами действовала югославская разведка, подсудимый Бранков показывает, что она использовала самые различные способы, придерживаясь принципов Макиавелли. Твердую установку в этом отношении дал Ранкович, который при от'езде миссии заявил, что для достижения целей надо пользоваться любыми средствами. Мы вербовали людей с помощью подкупа, угроз, путем насильственного увоза людей из Венгрии в Югославию и т. д.

Однажды, показывает подсудимый, в югославское консульство в Будапеште был обманным способом завлечен венгерский гражданин Юбица Хибар. Здесь он был задержан и на дипломатической машине отправлен с подложными документами в Белград. Там путем различных угроз и посулов у него вынудили дать подписку о том, что он будет работать на югославскую разведку. Подобные нарушения югославскими дипломатами международных правил, как показывает подсудимый, имели место неоднократно. Когда Ранкович узнал о том, что одному из депутатов венгерского парламента Антону Роб грозит арест за его шпионскую деятельность в пользу Югославии, были предприняты шаги для его спасения. По поручению Ранковича и с ведома посланника Югославии в Венгрии Мразовича Антон Роб на дипломатической машине был тайно вывезен в Югославию.

Отвечая на вопрос председателя суда, кого из венгерских граждан может назвать подсудимый в качестве завербованных югославских шпионов, Бранков показывает, что вербовка проходила без особых трудностей, так как ставка всегда делалась на националистические, профашистские элементы. Я и Цицмил, говорит он, еще в 1945 году часто встречались с Райком. Нам были известны его убеждения, было известно, что он не любит Ракоши, Фаркаша и Герэ, что он хочет властвовать, и мы открыто беседовали с ним по всем вопросам. Таким образом, не будучи еще формально агентом, он уже выполнял все наши поручения. Формально его завербовал Ранкович. Так же нетрудно было завербовать Палфи. Было ясно, что он националист и что ему чрезвычайно импонирует политика Тито. Он с готовностью давал мне все нужные материалы, в том числе представляющие большую государственную тайну, касающиеся вооруженных сил Венгрии. Формально его завербовал военный атташе Югославии в Венгрии полковник Лозич.

Андраш Салаи был завербован руководителем югославского консульства в Венгрии майором Смилянич. Для этого последний воспользовался имевшимися у югославской разведки сведениями о том, что по доносу Салаи в 1944 году в тюрьме «Шаторалья-уйхей», было казнено около 70 югославских и венгерских коммунистов.

Председатель суда: Значит, Тито и его представители воспользовались услугами человека, на руках которого еще не высохла кровь югославских коммунистов?

Подсудимый: Да.

Таким же образом были завербованы югославской разведкой Юстус Огненович, Золтан Хорват, Эндре Себеши, Шандо Череснеш и др.

На вопрос председателя, что подсудимый знал о вербовке Антона Роб, Бранков ответил, что Роб был завербован Яворским еще в 1945 году. У Роба была самостоятельная шпионская сеть и он был непосредственно связан с Ранковичем.

Председатель суда: Вы специализировались на фашистских доносчиках?

Подсудимый: Ранкович сказал нам, что это не имеет значения. Была бы только хорошо построена шпионская сеть.

Бранков показывает, что югославской агентуре удалось наладить в Венгрии широкую шпионскую сеть, которая проникла буквально во все звенья государственного аппарата, армии, полиции и т. д. От этой сети, говорит он, мы получали самые разнообразные сведения политического, экономического и военного характера. В частности Бранков показывает, что от Райка югославская разведка получала сведения о мероприятиях венгерских органов государственной безопасности по борьбе против англо-американской разведки. Эти материалы по указанию Ранковича и Карделя передавались представителям американской и английской миссий.

Еще во время войны люди Тито, Ранковича и Карделя установили связь с американской и английской разведывательными службами не только в Югославии, но и за границей. Об этом, говорит подсудимый, я узнал из беседы с Цицмилом, а также из секретных архивов УДБ. Во время войны в Швейцарию был послан Миша Ломпар, на которого была возложена обязанность установить связь с руководителем американской шпионской организации в Европе Алленом Даллесом. Прибыв в Швейцарию, Ломпар установил также связь с находившимися там троцкистскими группами.

В Марселе находился Латинович, а в Бари—Вассо Иованович, которые установили тесные связи с англо-американской разведкой. В Лондоне находился генерал Велебит, являвшийся старым английским шпионом. Он передавал английской разведке все имевшиеся в его распоряжении материалы, в том числе сведения о Советской Армии. Как показывает Бранков, об этом он также узнал из секретных архивов УДБ.

В настоящее время полковник Цицмил занимает пост югославского посла в Лондоне, Латинович—югославского посланника в Швейцарии, Ломпар—сотрудник югославской миссии в Бухаресте. Что касается Велебита, то после освобождения Югославии он был первым заместителем министра иностранных дел. Иованович был советником югославской миссии в Будапеште и выслан венгерскими властями из Венгрии. Подсудимый просит суд разрешить ему в дальнейшем особо остановиться на личности Иордановича.

По отзывам Цицмила, связь с англо-американской разведкой в Венгрии временно ослабла. После известной резолюции Информбюро положение осложнилось, и Ранкович снова дал указание наладить связи с англо-американской разведкой в Венгрии. Бранков рассказывает, что в это время он был в Белграде и беседовал с Джиласом. Последний рассказал ему об имевших место переговорах Тито с англичанами и американцами, которые заявили, что они не прочь оказать военную и политическую помощь Югославии, если Тито согласится итти с ними против Советского Союза. Джилас подчеркнул при этом, что югославское правительство должно принять это предложение, так как англичане и американцы являются естественными союзниками титовской Югославии. Для обеспечения связи югославской разведки с англо-американской разведкой Ранкович специально направил в Венгрию Дебечича и Иовановича. Были установлены связи с английским вице-консулом Пэтти, представителем Тризонии Марти и с американским подполковником Копчак.

Касаясь отношений югославских правителей к народам Югославии, подсудимый показывает, что титовская клика давно уже оторвалась от народа, продавая его интересы англо-американским империалистам. По мнению Бранкова, предательство Тито, Карделя, Джиласа и Ранковича проявилось еще в разгаре войны, в конце 1943 года—в начале 1944 года, когда Тито разрешил пребывание англо-американских представителей при югославском Верховном штабе.

На вопрос председателя суда, сможет ли Бранков назвать имена англо-американских представителей, Бранков заявил, что список этих имен был разослан по всем штабам в стране и было дано указание заучить эти фамилии, чтобы при случае оказывать этим людям соответствующую помощь. Бранков подробно перечисляет имена и фамилии англо-американских представителей, подвизавшихся в то время на стороне Югославии. При Верховном штабе Тито, говорит он, находилась миссия США—в составе: полковника Хантингтона, подполковников Ферц и Тейер, миссия Великобритании—в составе: генерала Маклина, подполковников Мур и Сельбина, майора Черчилля. На острове Вис находились американский майор Урбан, английский майор Корветт. При главном штабе Македонии находился английский майор Кунней и лейтенант Макдональд; при главном штабе Сербии—американский капитан Гримм, английские майоры Хеннекер и Амстронг; при главном штабе в Хорватии — американский капитан Рейд и английский майор Роджерс; при главном штабе Словении—американский майор Гудвин и английский майор Джойнс; при главном штабе Воеводины—английский майор Лейвидсон и лейтенант Вуд и др. Все эти лица, показывает подсудимый, согласно секретным данным, находящимся в архивах УДБ, являлись опытными англо-американскими разведчиками. Они ставили своей целью подчинить англо-американскому влиянию руководителей Югославии, а вместе с тем народы Югославии и народы соседних с ней стран.

Насколько известно, говорит подсудимый, им удалось подчинить своему влиянию Тито, Джиласа, Карделя и Ранковича. Бранков рассказал о трех характерных случаях, которые проливают свет на взаимоотношения клики Тито и англо-американцев. В 1944 году штаб Тито, как известно, попал в чрезвычайно тяжелое положение. Из окружения Тито и члены штаба были спасены только благодаря советским летчикам, которые, несмотря на обстрел, вывезли Тито и его штаб в порт Бари. Рандольф Черчилль и Маклин услужливо предлагали Тито воспользоваться английским военным кораблем, рассчитывая, таким образом, установить с ним более тесную связь. Ранкович, Кардель и Джилас настаивали на том, чтобы Тито принял это предложение. Однако советское командование воспрепятствовало этому.

Черчилль хотел оккупировать Адриатическое побережье Югославии, хотя в этом не было никакой нужды, так как побережье уже было освобождено партизанами. Тито согласился на оккупацию побережья, ссылаясь на то, что все равно Югославию придется освобождать англичанам и надо быть с ними в дружеских отношениях, что отвечает национальным интересам страны. Однако и здесь советское командование помешало осуществлению этого плана.

В конце войны стал вопрос об освобождении Белграда и Сербии. Югославская армия не могла этого сделать собственными силами. Американцы и англичане не хотели, чтобы Тито обращался за помощью к Советскому Союзу. Тито, несмотря на то, что Советская Армия находилась у границ Югославии, все еще колебался, и лишь в силу необходимости был вынужден просить помощи у Советской Армии, которая освободила Сербию и Белград. Эти три факта показывают, чего добивались англо-американцы, находившиеся в штабе Тито, и позицию самого Тито.

Бранков показывает, что из бесед с Цицмилом и из секретных материалов из архива УДБ, он убедился в том, что американцами и англичанами были завербованы в качестве своих агентов в первую очередь Джилас, Кардель, Ранкович и, кроме того, Марко Белинич, в настоящее время министр хорватского правительства, Петр Стамболич — ныне премьер-министр сербского правительства, Карло Мразович, Миха Маринко — премьер - министр Словении, Светозар Вукманович — министр югославского правительства, Кидрич — министр промышленности и председатель высшего экономического совета Югославии и другие.

Бранков показывает, что в результате проамериканской и проанглийской ориентации руководства Югославии в югославской компартии и в армии еще в период войны имели место серьезные разногласия. Жуйович и Хебранг не одобряли эту ориентацию. У них имелось много сторонников. Чтобы избавиться от них, Ранкович во время войны посылал таких людей на самые опасные участки фронта.

Председатель суда: Расскажите, каковы были планы Тито на послевоенный период.

Подсудимый: Руководители Югославии считали, что Югославия имеет огромное стратегическое значение и что она должна играть решающую роль на Балканах и в Средней Европе. Сущность плана Тито состояла в создании под его руководством большой конфедерации в форме буржуазно-демократической республики, охватывающей Балканские и Средне-Европейские страны. Эта конфедерация должна была ориентироваться на запад.

План этот возник уже в 1945 году, но он тщательно скрывался. О нем знал только крайне узкий круг людей — Тито, Ранкович, Джилас и Кардель. По мнению Бранкова, Тито и его клика лишь осуществляли планы американских империалистов. Бранков заявил, что эту линию окружение Тито старалось представить как нечто «новое» в марксизме, а самого Тито как человека, «обогащающего» марксизм.

Главной целью титовской агентуры в Венгрии являлась популяризация Тито, привлечение на свою сторону венгерского народа, создание условий для образования балканской конфедерации. В этом отношении югославские агенты не ограничивались деятельностью в Венгрии и протягивали свои щупальцы к другим демократическим странам. В Румынии делалась ставка на министра юстиции Патрашкану, который не прочь был осуществить план Тито, но был во-время удален и изолирован от партии. Ранкович жаловался Бранкову, что теперь в Румынии придется все начинать снова, и в этих целях в Румынию был направлен Зец Бранко и позже Миша Ломпар.

Большие надежды возлагались также на разногласия в Польской рабочей партии. Полагали, что Гомулка может явиться человеком, способным осуществить замыслы Тито, однако Гомулка признал ошибочность своей линии. Ранкович жаловался, что и здесь все придется начинать сначала, и направил в Польшу в качестве советника югославского посольства Ивана Рукавина и ряд других своих агентов. Предпринимались такие же попытки в Болгарии и Албании. Все это, показывает Бранков, он слышал от Ранковича, Джиласа и Милича.

Касаясь планов титовцев в отношении Венгрии, Бранков заявил, что до известного решения Информбюро коммунистических и рабочих партий предполагалось осуществить план Тито мирным путем, а после резолюции Информбюро пришли к выводу, что необходимы другие способы.

Отвечая на вопрос председателя суда, Бранков показывает, что во время встречи на станции Келебия Ранкович дал Райку уже конкретные указания о том, как нужно претворить в жизнь план Тито, настаивал на необходимости убить Ракоши, Фаркаша, Герэ. Передавая содержание этого разговора, во время которого подсудимый присутствовал в качестве переводчика, Бранков говорит, что Ранкович требовал от Райка создания в венгерской компартии серьезной оппозиции и в случае успеха обещал Райку серьезную поддержку со стороны югославского правительства.

Подсудимый Бранков подтверждает показания Райка о плане Тито, который был изложен Ранковичем во время встречи с Райком на станции Келебия.

— Согласно указаниям Ранковича, — говорит подсудимый, — Райк в своей деятельности должен был опираться на реакционные элементы, которые помогли бы создать в Венгрии буржуазно-демократический строй, а именно, на шовинистические, националистические, кулацкие, троцкистские и клерикальные элементы в стране с тем, чтобы вывести Венгрию на «новый путь», по которому идет Югославия.

Председатель суда: Какой же это «новый путь»?

Бранков: Все эти разговоры о новом пути построения социализма нужны были только для обмана югославского народа и членов югославской коммунистической партии.

Председатель суда: Сказал ли Ранкович об этом Райку открыто?

Бранков: Насколько я помню, Ранкович открыто об этом не говорил, но суть заключалась в этом.

Председатель суда устраивает очную ставку Бранкова с подсудимым Райком, после которой Бранков вынужден признать, что Ранкович далеко не двусмысленно сказал, что разговоры о «построении социализма» нужны только для обмана широких трудящихся масс Югославии.

Подсудимый показывает, что Ранкович обещал Райку военную помощь со стороны Югославии, которую Тито окажет путем переброски в Венгрию нескольких югославских батальонов в венгерской форме, а также переброски через Югославию частей бывшей Хортистской армии находящихся сейчас в западных зонах оккупации Австрии.

Бранков рассказывает, что в 1946-1947 годах Тито отправил в страны народной демократии своих представителей, которые официально назывались представителями югославской коммунистической партии. Я был, говорит подсудимый, таким представителем в Венгрии. В Чехословакии такими представителями были Новосел, являющийся сейчас посланником, а затем Стилинович, в Болгарии — Н. Ковачевич и О. Цицмил, в Албании — Джердже и Златич, в Польше — другой Ковачевич. Задача этих представителей, показывает далее подсудимый, заключалась в популяризации Тито, в проведении подрывной деятельности в коммунистических партиях и государственном аппарате стран народной демократии.

Бранков рассказывает, что консульский отдел югославской миссии в Будапеште занимался подделкой документов для тех югославских дипломатов, которые занимались шпионажем, а также для завербованных венгерских граждан.

Подсудимый говорит, что он знает о тайной встрече Ранковича с Райком, состоявшейся в усадьбе близ города Пакш, и что об этой встрече ему рассказал Мразович. Далее Бранков показывает, что во время его очередной поездки в Белград Ранкович выразил свое недовольство медлительностью Райка и подчеркнул, что Райк мог бы быть энергичнее и за одну ночь уничтожить Ракоши и других руководителей венгерского государства. Для помощи Райку Ранкович отправил в Венгрию двух своих агентов, опытных политических убийц Иовановича и Иойковича. Они следили за Ракоши. Иованович был выслан из Венгрии, а Иойкович в конце 1948 года тоже вернулся в Белград.

Бранков показывает, что Джилас, присутствовавший на его беседе с Ранковичем, заявил, что Тито вел переговоры с американцами и англичанами и договорился с ними, что они поддержат борьбу правительства Тито против Советского Союза, причем окажут Югославии не только экономическую помощь, но и военную, если Тито будет вести борьбу против Советского Союза.

— Во время этой последней встречи с Ранковичем, говорит Бранков, он сказал мне, что в Венгрии сейчас уже нельзя работать старыми методами, что венгерские органы стали более бдительными. Выполняя его указание, я должен был возвратиться в Будапешт и выступить с публичным заявлением о том, что порываю с политикой Тито. Я четыре года был партизаном и привык выполнять все приказания, если они исходили от Тито. Ранкович увидел, что я колеблюсь, — и поэтому заявил, что это прямой приказ Тито. Ранкович дал мне при этом конкретные указания о том, что я должен делать в дальнейшем. Во-первых, мне нужно было завоевать доверие руководства Венгерской партии трудящихся. Во-вторых, после того как я сумею добиться в этом успеха, незаметно продолжать поддерживать связь с венгерскими заговорщиками Райком и другими. В-третьих, я должен был установить связи с другими югославскими агентами — Андрашем Салаи, Миланом Огненович, Йожефом Хеггедюш и другими.

Далее Бранков показывает, что Ранкович дал ему указание добыть материал, который можно было бы использовать для компрометации Венгерской партии трудящихся и югославских политэмигрантов. Связь со мной, говорит подсудимый, Ранкович рассчитывал поддерживать через советника югославской миссии Душана Шакота, который должен был вскоре приехать в Будапешт.

Подсудимый Бранков пытается на суде представить себя как «одумавшегося» человека, который только по старой привычке все еще подчинялся своему начальству. Он якобы написал свое лживое заявление об отказе следовать за Тито только после получения угрожающего письма Ранковича, предупреждавшего, что может пострадать семья Бранкова.

Однако Бранков тут же сам опроверг свое утверждение, заявляя, что после опубликования своего письма регулярно являлся к месту условленной встречи с Душаном Шакота.

В ноябре 1948 года, показывает Бранков, я встретился с Райком и предупредил его, что предавать его не собираюсь. Во время последующих встреч я рассказал ему о полученном мною задании и неоднократно напоминал ему о том, что Ранкович торопит с выполнением плана. В феврале в условленном месте я встретился с Душаном Шакота. Таких встреч было четыре. Во время первых двух он говорил мне то, что Ранкович просил передать Райку. Ранкович требовал от Райка поторопиться и спрашивал его, почему он не организовал убийства. Во время последних двух встреч Шакота сказал мне, что Ранкович не удовлетворен моей работой. При этом он сообщил, что, если я не буду действовать так, как нужно, Ранкович выполнит свои угрозы.

Подсудимый снова пытается изобразить себя раскаявшимся и утверждает, что он незадолго перед арестом решил действительно порвать с Тито.

В конце сегодняшнего заседания суда Бранков дал показания по делу об убийстве Милоша Моич. Он рассказывает, что Милош Моич был агентом УДБ и находился в связи с Ранковичем. После опубликования резолюции Информбюро Милош Моич заявил, что он намерен разоблачить клику Тито. Мы, говорит Бранков, сообщили об этом Ранковичу и получили его приказ ликвидировать этого агента. Мразович подтвердил этот приказ и заявил мне, что, если я боюсь выполнить это задание, то он даст свой револьвер кому-нибудь, и задание будет выполнено, потому что все указания Ранковича святы. Он передал свой револьвер Блажичу, который выполнил это задание через Боарова.

На этом сегодняшнее заседание суда закончилось.

Следующее заседание суда состоится в понедельник, 19 сентября.

ОКОНЧАНИЕ ДОПРОСА БРАНКОВА

БУДАПЕШТ, 19 сентября. (ТАСС). На сегодняшнем утреннем заседании суда, рассматривающего дело Райка и его сообщников прокурор Дьюла Алапи обратился с рядом вопросов к подсудимому Бранкову, допрос которого членами суда был закончен в субботу.

Отвечая на вопрос прокурора, Бранков показывает, что югославская военная миссия была принята в Венгрии очень радушно и что к работникам военной миссии, а затем дипломатической миссии Югославии в Венгрии относились исключительно тепло. «Часто мне было,—говорит подсудимый,—просто стыдно выполнять белградские указания, направленные против тех, кто смотрел на нас с такой любовью. На дружбу мы отвечали шпионажем, подготовкой переворота и убийства руководителей венгерского народа».

Отвечая на другой вопрос прокурора, Бранков показывает, что подавляющее большинство официальных представителей Югославии в Венгрии занималось шпионажем и что посланник Югославии в Венгрии не только знал об этом, но всегда направлял эту шпионскую деятельность.

Прокурор: Что вы знаете о насильственном увозе из Венгрии в Югославию венгерских граждан?

Бранков: В январе 1947 года насильственным образом была увезена в Югославию Хрибар Любица. Перед ней таким же образом был похищен Ференц Микула. Это делалось с целью их вербовки. Были случаи, когда агенты югославской разведки по фальшивым документам выжимали из Венгрии в Белград. Например, Хеггедюш, Ласлович, Видакович и др.

Прокурор: Вы показывали, что такую же, как в Венгрии, деятельность югославские руководители проводили и в других странах. Что вы можете рассказать об этом?

Бранков: Особенно активно шпионская деятельность проводилась в Чехословакии. Ранкович не был доволен нашей работой в Венгрии и, упрекая, подчеркивал, что югославская сеть в Чехословакии работает гораздо лучше. Там был главным резидентом УДБ Дрндич—заместитель военного атташе.

Дрндичу удалось установить хорошие связи с теми чехами и словаками, которые во время войны находились на западе, и особенно с теми, которые служили в английской армии. Ранкович указал мне на необходимость следовать по этому же пути. Дрндич во время моей встречи с ним в 1947 году рассказал, что в своей работе он опирался на националистические элементы, на людей, служивших в «гвардии Глинки», что он всячески использовал противоречия между чехами и словаками.

Прокурор: Какие инструкции о методах вербовки получали вы, как главный резидент УДБ?

Бранков: Ранкович дал указание использовать в этих случаях угрозы, запугивание людей разоблачением их преступлений. Это, понятно, относилось к тем, кто был связан с венгерской тайной полицией, гестапо, английской и американской разведками. Эти люди становились самыми лучшими нашими агентами. Их мы легко держали в своих руках. Ранкович, давая эти указания, не скрывал, что это гестаповские методы, и даже подчеркивал, что из опыта гестапо нужно многое перенять. Я думаю, что по отношению к Ранковичу и Тито американцы также применили эти методы. Мне кажется, что американцы имеют в своих руках документы, компрометирующие Тито и Ранковича в их старых связях с полицией, и пользуясь этим, держат их в руках. Во время войны Ранкович с небольшой группой партизан попал в руки к немцам и был доставлен в гестапо. Через короткий промежуток времени Ранкович оказался на свободе, в то время как остальные захваченные партизаны были расстреляны немцами. В связи с этим у некоторых партизан возникло подозрение, что Ранкович был завербован гестапо и выпущен. В 1941, 1942, 1943 годах Тито вел переговоры с немцами, соглашаясь прекратить борьбу против них в том случае, если ему разрешат создать в Югославии свое правительство. Об этом тогда много говорили в его окружении. В середине 1943 года, в связи с приближением Советской Армии, эти переговоры были прекращены. Тех, кто знал об этих переговорах, начали посылать на самые опасные участки фронта. Таким же образом поступали с людьми, которые не одобряли связи группы Тито с англичанами и американцами. Сотни таких людей погибли.

Отвечая на вопрос прокурора, подсудимый Бранков показывает, что консульский отдел югославской миссии в Будапеште имел целую коллекцию поддельных венгерских печатей, которые использовал для изготовления фиктивных документов и виз на паспортах. Этим занимались, как показывает Бранков, Смилянич и Блажич.

Бранков говорит далее, что Милош Моич был убит по прямому указанию Ранковича и Тито. Ранкович дал письменное распоряжение уничтожить тех агентов, которые могут повредить, и подчеркивал в своем приказе, что это полностью одобряет Тито. В данном случае была получена телеграмма Ранковича с приказом убрать Милоша Моича. Посланник Мразович, настаивавший на выполнении этого приказа, поручил его исполнение Блажичу, которому дал для этого свой револьвер, а сам уехал в Югославию, чтобы не быть в Венгрии в момент совершения убийства.

После этого прокурор задал несколько вопросов подсудимому Райку.

Отвечая на вопрос, кого из числа людей, находившихся во французских концентрационных лагерях и проводивших там подрывную работу, подсудимый помнит, Райк говорит, что новых имен он назвать не может, так как это было давно и он многое забыл. Кроме того, говорит подсудимый, многие тогда были известны под вымышленными фамилиями, иногда даже одинаковыми. Возможно, что некоторые, кого, как мне помнится, я знал по Испании, встретились мне позже, и наоборот, тех, кто был тогда в лагерях, я считаю своими более поздними знакомыми.

После того, как защитники заявили, что у них вопросов к допрошенным подсудимым нет, суд перешел к допросу четвертого подсудимого Тибора Сеньи.

Отвечая на вопрос председателя суда, этот матерый американский шпион заявляет, что все пред'явленные ему обвинения правильны и что он считает себя виновным в совершении преступлений, перечисленных в обвинительном акте.